

земель, мало; он умолчал о том, по одним воскресеньям ли только собирается «помочь». Она всегда готова; первый крестик в календаре — а в нашем их немало, — и она есть. Народ русский никогда не прочь поспрашивать; попу нужны рабочие на известный день; придравшись к кресту, поп объявляет день этот праздничным и ждет. День пришел, поп велит звонить к обедне, наскоро отхватывает ее и, собрав охотников, отправляется делать, что ему нужно. Кто тут кого развращает: крестьяне пола или поп крестьян?

Еще на один вопрос просим ответа. Как думает автор, если бы приход добровольно обязался платить попу натурой за требы, давать ему все средства жизни, с избытком даже, отказался ли бы поп от хищничества? Ответ труден. Мы поможем автору: *нет*. Мы видим примеры, что помещики помогали попам добровольно значительными средствами, прося об одном — не прижимать крестьян при требах. И что же? Так же точно за свадьбы выжималось 5—7 р., так же точно попадья являлась обирать у крестьян кур, холсты, нитки и пр., а когда помещик запрещал крестьянам давать попу что-нибудь, говоря, что сам ему платит, поп, в виде репрессалии, стал отказываться от треб — грабленное, верно, вкуснее. Если правительство назначит жалованье, будет ли лучше? Во сто раз хуже! Нет, никакие обеспечения не искоренят зла, оно будет существовать до тех пор, пока существует духовенство. Не прикидывайтесь же, святые отцы, такими несчастными; исключив все ваши позволенные и непозволенные доходы, вы имете, одними добровольными пожертвованиями, то, что далеко не заставляет вас голодать. Жадность, разбой, низость — это ваши вековые добродетели; для них лекарства нет — есть, впрочем, но... молчу.

В заключение все-таки не можем не поблагодарить автора за его книгу, за ту откровенность, с которой он указал нам в своей книге ту глубину низости и подлости, в которой ползает наше растленное духовенство, — на это нужно было много самоотвержения. Наш иерей, как новый Курций, затеял сласти свою братью и бросился в бездну — бездна закрылась за ним, но братья не спасется. Жаль, что он один бросился, — что бы уж всею братьею — соборне. Теперь всякий, начинающий сомневаться в непогрешимости попов, имеет средство укрепить сомнения; теперь, с книгой нашего автора в руках, можно идти на споры с самыми отчаянными поклонниками «*византийского бога*»; чего лучше желать — книга написана самим служителем этого бога. Но книга могла бы обойтись — и это немало для ее успеха — без подобных выходов, какие мы встречаем на страницах 18, 26, 35, 36, 72, 149 и пр. К чему такое православие? Мы уверены, что писавший хорошо понимает вещи, — к чему же это? Стыдно, право! К чему упрекать *выходцев с Запада за вражду к православию*; к чему говорить, что *служение священническое настолько выше гражданского, насколько небо выше земли* и пр.? Кто также поверит вам теперь *

ПИСЬМО «РУССКОГО ХУДОЖНИКА»

Публикация Л. Р. Ланского

В шестидесятом листе «Колокола», вышедшем в свет 1 января 1860 г., Герцен поместил небольшую заметку «Академия художеств в осадном и иконописном положении» (X, 195—196). В основу этой заметки была положена корреспонденция из Петербурга, описывавшая новые порядки в Академии художеств, администрация которой усердно внедряла, наряду с византийской манерой живописи, различные мероприятия полицейского характера. Эта корреспонденция вызвала к себе сочувственное

* Конец рукописи не сохранился. — *Ред.*

отношение со стороны Герцена, перу которого, вне всякого сомнения, принадлежат, помимо саркастических примечаний, заключительные строки заметки о президенте Академии — великой княгине Марии Николаевне.

Бездушное, чиновничье отношение к художникам, господствовавшее как в придворных сферах, так и в Академии, возмущало Герцена. Это особенно отчетливо выразилось в его известном некрологе А. А. Иванова, также помещенном в «Колоколе».

Печатаемая ниже корреспонденция, предназначавшаяся для опубликования в «Колоколе» и написанная более чем за год до появления заметки «Академия художеств в осадном и иконописном положении», обнаружена нами среди бумаг известного экономиста И. К. Бабста. Кто является ее автором, установить не представляется возможным. Несомненно, что автор принадлежал к числу людей, близко стоявших к Академии. Не исключена возможность, что и цитируемая выше корреспонденция была также написана им. Автор письма энергично осуждает предстоящую перестройку Академии и введение нового устава, составленного под руководством князя Г. Г. Гагарина, которому особенно достается в письме. Действительно, назначенный вице-президентом Академии Гагарин не проявил административных способностей. Однако он не был и пустым светским фатом, каким рисует его корреспонденция, а талантливым рисовальщиком, произведения которого не потеряли своего значения и до настоящего времени. Гагарин не внес и не мог внести каких-либо существенных изменений в дух, господствовавший в Академии, где усилению насаждались принципы казенного искусства, глубоко враждебные новым веяниям, волновавшим русское общество. Конфликт между реакционной академической системой художественного воспитания и демократическими стремлениями молодых прогрессивных художников вскоре привел, как известно, к разрыву с Академией ряда талантливейших ее учеников, во главе с И. Н. Крамским.

Корреспонденция «русского художника» в «Колоколе» не появилась. Судя по тому, что подлинник письма обнаружен среди бумаг И. К. Бабста, письмо так и не попало в Лондон. Бабст именно в это время поддерживал сношения с Герценом и пересылал ему материалы для публикации в «Колоколе» (см. IX, 388). Повидимому, «русский художник» поручил Бабсту отправить в «Колокол» свои корреспонденции, но Бабст, по каким-то соображениям, не выполнил этого поручения, и рукопись осталась в его архиве.

Письмо печатается по автографу Отдела письменных источников ГИМ (ф. 44, ед. хр. 5, лл. 26—27).

С.-Петербург. 27 сентября 1858 г.

Господин издатель газеты «Колокол»!

Вероятно, не в первый раз вам получать от ваших земляков благодарность за ваши умные и добрые статьи; примите же и от меня русское спасибо; читая их, невольно много узнаешь грустного и худого, делающегося в нашем отечестве. Вот еще одно вопиющее дело. Вы знаете, говорят: «Что у кого болит, тот о том и говорит», — совершенная истина! Блаженной памяти Николай I имел особенное несчастье в выборе людей, в том числе назначение быть президентом Академии художеств в юбке или кринолине было тоже одною его неловкостью. Дочь его Мария Николаевна¹, правда, что при ее средствах и обстановке могла бы много покровительствовать и одобрять художников и художества в России, к сожалению чего она не делает, а придумала (натурально, как женщина, любящая перемены) переделать и преобразовать состав* Академии, написанный Бецким и другими сановниками царствования Екатерины II, столь обильного замечательными государственными людьми; для этого августейший президент подобрал людей, одинаково далеко видящих, как и он сам! Князя Гагарина Г. Г.², которого не знают куда деть и что из него сделать, свиты генерал-майор, которому, однако, нельзя доверить ни полк, ни дать губернию в управление, князь, видите, рисует, — да кто же нынче

* Так в рукописи. Повидимому, автор имел в виду «устав». — *Ред.*

не рисует?— и предан византийской живописи, которой он, однако, не понимает, то его и готовят в администраторы, в вице-президенты Академии, а покамест он состоит при президенте. Хорош администратор: пришлось ему получать деньги в Академии, то он не сумел расписаться в получении их по-русски, просил дозволить расписаться по-французски!!! Это русский князь, это будущий начальник Академии художеств в России. Другое лицо, составлявшее новый штат,— это Львов Ф. Ф.³, весьма ограниченный господин, который даже в семье Львовых всегда почитался *глупеньким!* Вот новые Бецкие, сановники, избранные ее высочеством Марией Николаевною для *улучшения* состава и преобразования Академии! Штат, ими составленный и одобренный мудрым президентом, представлен уж министру двора, который поручил его рассмотреть г. Арапетову⁴; одно к другому: Арапетов — чиновник, замечательный не по части административной, а по части сладострастия, и предпочитающий мужчин — женщинам; конечно, о вкусах не спорят! Он очень хорошо обрисован в двух стихах, посвященных его портрету:

Удав для подчиненных,
Перед Перовским — глист!⁵

Он был прежде директором канцелярии Министерства уделов, а теперь состоит по Министерству двора. Можно ли ожидать чего-либо доброго от всей этой честной компании?

С.-Петербургская Академия художеств с учреждения своего произвела столько замечательных художников, что, право, она ничем не уступает другим европейским академиям. Не говоря о живых, у нас были живописцы: Лосенко, Боровиковский, Левитский, Козлов, Брюллов, А. Иванов и др.; скульпторы: Гордеев, Козловский, Ф. Щедрин, Мартос, Егоров, Шебуев, С. Щедрин, Ставассер и др.; архитекторы: Кокоринов, Старов, Бажанов, Захаров, Воронихин, Волков и др.; граверы: Чемесов, Берсенев, Скотников, Ухтомский, Галактионов. Все эти имена знакомы не только России, но и Европе, и в девяносто лет, что у нас есть Академия художеств, право, было довольно и талантов и замечательных художников. Чем же недовольно наше правительство, что нужно нашему *великому* президенту?

Примите же ропот художников, ваших соотечественников, дайте им несколько строк в вашем журнале, который так охотно читается во всех слоях общества нашей матушки России!

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть покорнейшим слугою

Русский художник

¹ Великая княгиня Мария Николаевна была назначена президентом Академии художеств в 1852 г.

² Подробно о кн. Г. Г. Гагарине см. в книге: А. Савинов. Григорий Григорьевич Гагарин. М., 1951; в его же статье: «Лермонтов и художник Г. Г. Гагарин» («Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 433—472) и в статье: Э. Найдич. Пушкин и художник Г. Г. Гагарин («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 269—278).

³ Федор Федорович Львов — в это время секретарь Общества поощрения художников, вскоре назначенный конференц-секретарем Академии художеств. По поручению Гагарина, Львов, совместно с И. П. Арапетовым, составил новый устав Академии художеств, вошедший в действие с 1860 г.

⁴ Иван Павлович Арапетов (1811—1887) — литератор и видный чиновник. Герцен встречался с Арапетовым в студенческие годы — оба были участниками «маловской истории», в результате которой подверглись кратковременному аресту. Огарев в одном из стихотворений также характеризует Арапетова как человека бездарного («Стихотворения и поэмы», Л., 1938, т. II, стр. 345—346).

⁵ Цитата из сатирического стихотворения Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева и А. В. Дружинина «Загадка», резко высмеивающего И. П. Арапетова. Стихотворение начинается словами:

Художества любитель, тупейший, как бревно...